

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-161-173>

УДК 821.161.01.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. М. Д. Кузьмина
г. Санкт-Петербург, Россия

САМЫЙ «ПЕРСОНАЛЬНЫЙ» ЖАНР ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: В статье предпринимается попытка выявить своеобразие эпистолярного жанра на фоне других жанров древнерусской литературы, для которой, как известно, было характерно взаимодействие жанров, жанровый синтез. Послание выделяется на общем фоне как самый «персональный» жанр. Оно достаточно четко артикулирует ситуацию общения, как правило, двух конкретных личностей — адресанта и адресата. Оно адресно и ситуативно, ориентировано на нужды и цели участников эпистолярного диалога. Оно в большей или меньшей степени актуализирует образы обоих коммуникантов. Автор письма пользуется свободой в выборе самохарактеристик и характеристик адресата, в выборе форм обращения к последнему, в выборе композиции текста и т. п. Но на поверку эта «персональность» эпистолярного жанра носит сдержанный и весьма условный характер. Обращения к адресатам, широко варьирующиеся в целом корпусе посланий, различаются, в сущности, только по форме. По содержанию же они друг другу синонимичны. Они несут в себе обычные для древнерусской литературы не столько персональные, сколько деперсональные, надличные характеристики, отображающие социальное положение, духовные отношения участников переписки (духовный отец / духовное чадо и т. п.) и пр. В них по-своему преломилось требование этикета эпистолярной коммуникации, сложившегося в эпоху Античности и предполагавшего комплиментарность обращений к адресату. Таким образом, «персональность» послания, с одной стороны, обеспечивала его органическую включенность в систему жанров древнерусской литературы, а с другой — позволяла ему сохранять и развивать характерные признаки, которые отличали эпистолярный жанр со времен Античности и могли обеспечить ему будущее в тот период, когда система жанров утратит синтетичность, каждый из них должен будет отстаивать свое право на автономность; но одновременно «персональность» таила в себе опасность исключения эпистолярного жанра за пределы литературы.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, средневековая персональность, послание, письмо, эпистолярный диалог, адресат, автор.

Информация об авторе: Марина Дмитриевна Кузьмина — кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-

Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, д. 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия; докторант кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, наб. р. Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>. E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Дата поступления статьи: 17.11.2019

Дата публикации: 28.03.2021

Для цитирования: Кузьмина М. Д. Самый «персональный» жанр древнерусской литературы // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 161–173. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-161-173>

В древнерусскую эпоху, когда собственно художественная литература еще не сложилась, эпистолярный жанр — единственный раз в своей истории — входил в систему жанров литературы, занимая в ней полноправное положение с другими. Древнерусская система жанров отличалась, как известно, проницаемостью границ. Еще академик Д. С. Лихачев указал на то, что она строилась по «анфиладному» принципу [11, с. 119–120], «первичные» жанры включались в состав «объединяющих» [10, с. 47; 12, с. 61]. О том же писали В. В. Кусков [9], Н. И. Прокофьев [16] и другие филологи-медиевисты. Вместе с тем в сложном процессе взаимодействия жанров шло формирование каждого из них, в том числе эпистолярного, определение его конститутивных признаков.

Исследователи неоднократно поднимали вопрос о признаках, отличающих послание от других жанров древнерусской литературы. М. В. Антонова в числе этих признаков небезосновательно называла черты «полудиалога» (это классическая характеристика письма со времен Античности [13, с. 7; 14, с. 59]), наличие «эпистолярных» элементов формуляра (инскрипт, прескрипт, клаузула и пр. [5, с. 154–160]), комплиментарных аттестаций адресата и самоуничижительных — автора [4, с. 41–44]. Все эти признаки верны, но, к сожалению, не безусловны, и, рассматривая отдельные древнерусские послания, исследовательница то и дело констатирует отсутствие того или другого либо даже всей их совокупности. Равным образом можно было бы отметить наличие комплиментарных аттестаций адресата и самоуничижительных — автора в агиографическом жанре (ср. в написанном Нестором житии прп. Феодосия Печерского: «И молю вас, возлюбленные, не осудите невежества моего, ибо исполнен я любви к преподобному и только потому решился написать все это о святом...» [7, т. 1, с. 355]). Д. М. Буланин называл еще один характерный, но тоже не безусловный признак: «...самым важным признаком эпистолярного жанра, — полагал он, — <...> является наличие прямых обращений к адресату» [8, с. 118]. Прежде всего эпистолярный жанр отличает, конечно же, установка на «полудиалог», из чего следует такая его особенность, как «наличие прямых обращений к адресату», равно как и многие другие особенности.

Вербализованная адресованность эпистолярного текста конкретным лицом конкретному лицу (реже — нескольким лицам), как правило, отображается уже в прескриптах, при этом чаще всего названы имена обоих. Например: «Вопрошение князя Изяслава, сына Ярослава, внука Владимира, к игумену Печерского монастыря Феодосию» [15, с. 20], «Того же Феодосия к тому же Изяславу» [15, с. 22], «Послание Никифора, митрополита Киевского, к великому князю Владимиру, сыну Всеволодову, внуку Ярослава» [15, с. 83], «Послание архиепископа Новгородского Василия к владыке Тверскому Феодору» [7, т. 6, с. 43] и т. п.

Д. С. Лихачев в свое время справедливо обратил внимание: «“Чувство авторства” было различно в жанре проповеди и в жанре летописи, в жанре послания и в жанре повести. Первые (т. е. проповедь и послание. — *М. К.*) предполагают индивидуального автора и часто надписывались именами своих авторов, а при отсутствии данных об авторе приписывались тому или иному авторитетному имени. Вторые (т. е. летопись и повесть. — *М. К.*) очень редко имели авторов: авторской принадлежностью их читатели мало интересовались» [10, с. 61]. С этим наблюдением нужно согласиться, дополнив. Во-первых, авторство гораздо более ярко артикулировано в послании, чем в проповеди, равно как и в слове или поучении. Прескрипты последних, в сравнении с вышеприведенными «эпистолярными», иногда совсем «безлики», например: «Во вторник третьей недели поста, на часах, слово утешительное к братии о пользе душевной» [7, т. 1, с. 443]. Во-вторых, в отличие от проповеди, равно как и слова и поучения, послание предполагает не только «индивидуального автора», но и индивидуального адресата. Вновь сравним прескрипты: «Слово поучения к келарю святого Феодосия, игумена Киево-Печерского монастыря» [7, т. 1, с. 445], «Слово блаженного Серапиона о маловерье» [7, т. 5, с. 383] и т. п. Как можно видеть, в названиях «поименован» только адресант, и то, очень вероятно, это было сделано не им самим, а лицами, впоследствии осуществлявшими литературную обработку текста (ср.: «Слово преподобного отца нашего Серапиона» [7, т. 5, с. 371]). Итак, в отличие от проповеди, поучения, слова — жанров, преимущественно монологичных и адресованных широкой, разноплановой аудитории, для которых в большинстве случаев не очень важен не только конкретный адресат, но и адресант, письмо-«полудиалог» актуализирует образы обоих. Оно может быть квалифицировано как самый персональный из древнерусских жанров. Однако эта «персональность» весьма своеобразная, средневековая.

В последние годы появляется все больше научных работ, где предпринимаются попытки доказать факт подлинной, ярко выраженной персональности, личностно-центрированности древнерусской литературы. Так, например, Л. А. Черная ведет речь о «личностном типе» древнерусской культуры XI–XIII вв. [18, с. 187], замечая: «Постоянный порыв к постижению Бога через Душу, вдунутую в человека, делал антропоцентризм той переходной поры органичным и всеобъемлющим» [18, с. 187]. Трудно поспорить, что для христианского сознания, каковым было сознание древнерусского человека, крайне важно представление о душе и ее носителе — личности, равно как и о связи этой личности с Богом. Но, конечно же, нужно понимать эту личность не в привычном нам светском европейском смысле, а в сугубо христианском. Ее основа — любовь к Богу до самоотречения, стремление к всецелому растворению в Боге.

Суть средневековой персональности можно раскрыть на примере вышеприведенных прескриптов. Действительно, в них выражена установка на индивидуальность, они сообщают целый ряд сведений об адресанте и адресате. Эти сведения не только информативны (имя, положение в обществе, род деятельности), но и характерологичны. В сущности, они отображают картину мира глазами средневекового человека. Лица, указанные в прескрипте, прежде всего делятся на представителей духовенства и монашества, с одной стороны, и с другой — мирян. В отношении первых сообщается имя в постриге, сан, должность, иногда место служения — и не более того. Очевидно, отбор этих сведений определяется центральной идеей-характеристикой: они отрешились от мира, посветив себя Богу. Напротив, в отношении вторых ведущей оказывается идея-характеристика включенности в мир — в род, в социум, в русскую историю, в целом в земную жизнь. Дается информация об их социальном положении, титуле,

полном имени, прослеживается родословная до третьего колена. Как ни удивительно, прескрипт в этой части обнаруживает установку, родственную летописи, — казалось бы, жанру максимально далекому от эпистолярного, что еще раз указывает на проницаемость жанровых границ древнерусской литературы и особенно свободное положение письма в этой системе. Прескрипты посланий отражают общие особенности литературного процесса. Адресант и адресат в них, подобно героям летописи, исторической повести и произведений других жанров, получают надындивидуальные характеристики, позиционирующие их не столько как личностей, сколько как представителей Церкви и Русского государства. В этом смысле имя адресанта и адресата — не столько персоналия, сколько (исторический) факт.

Если в прескрипте хотя бы фигурируют имена, то в самих текстах посланий они почти всегда отсутствуют. Обращения к адресату в этом смысле деперсональны. Несомненно, в ряде случаев, как уже было упомянуто, имена адресатов исключались при переписывании текстов и помещении их в сборники, что сопровождалось литературной обработкой и деперсонализацией (кстати, подобные изменения претерпевали и тексты других жанров — ср., например, в «Слове поучения к келарю святого Феодосия, игумена Киево-Печерского монастыря»: «...если ты, сын мой, имярек, соблюдеши эту службу по чину монастырскому с душевным прилежанием...» [7, т. 1, с. 445]). Но, думается, имена в посланиях изначально не всегда имели место. Обращения демонстрируют ту же особенность, что и прескрипты, — установку не столько на личность и межличностные отношения, сколько на статус христианина и гражданина, духовные и социальные отношения. Эти обращения в основе своей этикетны и уже потому деперсональны. Примечательно, что в письмах, принадлежащих разным авторам, повторяется одно и то же обращение к князю — «мой княже» [15, с. 21, 83], указывающее на социальный статус адресата. Не менее частотные в древнерусской эпистолографии обращения «чадо», «брат» раскрывают модели связывающих адресанта и адресата духовных отношений — иерархичных в первом случае (духовный отец и духовное чадо) и равноправных во втором (братья во Христе).

Подобные обращения, как и имена в прескриптах, представляют собой не более чем констатацию объективной данности. Они особенно распространены в древнерусской литературе — в текстах разных жанров. В первую очередь, конечно, в тех, которые, как и письмо, имеют установку на прямое обращение к адресату, — в слове и поучении. Ср. в «Поучении» Владимира Мономаха: «Поистине, дети мои, разумеите...» [7, т. 1, с. 461]; в словах и поучениях прп. Серапиона Владимирского: «Вы слышали, братья...» [7, т. 5, с. 371], «Большую печаль в сердце своем ношу из-за вас, дети мои...» [7, т. 5, с. 373] и т. п. Однако разница все-таки есть. Она состоит не только в том, что для письма, чаще всего направляемого одному конкретному лицу, наиболее характерна форма обращения в единственном числе, таящая в себе какую-никакую потенциальную персональность, тогда как для слова и поучения, традиционно адресуемых широкой аудитории, — во множественном. В отличие от письма, для которого наиболее характерна фиксированная форма обращения, определяемая положением адресата по отношению к адресанту (например, в послании духовного отца к духовному сыну-мирянину естественны обращения «чадо», «сын», но никак не «брат») и потому, опять же, заключающая в себе некую персональность, слово и поучение плюралистичны в этом плане. Есть, конечно же, исключения. Например, «Поучение» Владимира Мономаха, которое адресовано, как известно, прежде всего его сыновьям, поэтому там устойчиво обращение «дети мои» [7, т. 1, с. 457, 461].

Но примечательно, что даже в тех случаях, когда слово или поучение адресовано вполне конкретной аудитории — например, прп. Феодосий Печерский предназначал их для братии монастыря, в котором состоял игуменом, — налицо тенденция к обобщенности, деперсональности обращений. Трудно в полной мере согласиться с А. В. Автюховым и Е. И. Сариним, увидевшими в таких обращениях из слов и поучений прп. Феодосия, как «любимые мои», «отцы мои и братия», «братия моя», «братия моя любимая», «возлюбленные», «братия моя, и отцы, и чада духовные» и т. п., — выражение автобиографизма¹. С одной стороны, эти обращения отражают взаимоотношения адресанта и адресатов и потому, несомненно, «автобиографичны», с другой — они очень традиционны для жанров поучения, слова и проповеди. Большинство же поучений, слов и проповедей и вовсе рассчитаны на разную аудиторию, вследствие чего дают возможность сочетать разные формы, равно как и делать выбор в пользу той или другой.

Можно отметить тенденцию к выбору в слове и поучении формы «дети» (а не «братья») в тех случаях, когда автор особенно болезнует душой о своих адресатах, особенно обеспокоен их духовным состоянием: она ставит его над ними, в положение «отца», акцентирует его право учить, а их обязанность слушаться, но одновременно акцентирует и его отеческую любовь к ним (ср.: «Большую печаль в сердце своем ношу из-за вас, дети мои, потому что нисколько, вижу, не отвратились вы от дел непотребных. Не так скорбит мать, видя в болезни детей своих, как я, грешный отец ваш, видя вас, страдающих от дел незаконных» [7, т. 5, с. 373], «Краткое время радовался я за вас, дети мои, видя вашу любовь и послушанье к нашей ничтожности, и подумал, что уже утвердились вы <...>. Но вы еще языческих обычаев держитесь...» [7, т. 5, с. 379]). Обращению же «братья» отдается предпочтение в более спокойных ситуациях, также в тех случаях, когда автору важно усилить выражение не учительной, а покаянной интенции, поставить себя не столько над адресатами, сколько рядом с ними — в положение «чада» перед Богом, тем самым поддержать их и дать им пример (ср.: «Вы слышали, братья, Самого Господа, говорящего в Евангелии <...>. Если же предадимся мы воли Господней, — во всем утешит нас Бог Небесный <...>. Я же, грешный ваш пастырь...» [7, т. 5, с. 371–373]).

Однако было бы заблуждением думать, что послание выделяется на фоне соотносимых с ним жанров как жанр, не позволяющий варьировать формы обращений к адресату, приспособлявая их к ситуации. Напротив, у него в этом плане, в силу его адресной конкретности, больше возможностей, чем у других древнерусских жанров. Выбор формы обращения адресантом в письме может характеризовать их с адресатом отношения и актуальный для обоих контекст переписки.

Характерным может быть и отсутствие обращений к адресату либо сведение их к минимуму, в частности, редуцирование до «ты», без имени. Думается, далеко не во всех случаях это явилось следствием позднейшей литературной обработки и деперсонализации текста. Нужно отметить, что данная особенность встречается нечасто и отличает прежде всего ответные и полемические письма, авторам которых как бы не до «этикетных» обращений.

¹ Исследователи отмечают: «Ситуация проповедания в поучениях Феодосия Печерского, несомненно, автобиографична, поскольку отражает конкретный акт общения автора и его слушателей. <...> Феодосий постоянно обращается к своим духовным детям, он проявляет по отношению к ним живое участие и христианскую любовь. В частности, об этом свидетельствует большое число обращений, которое использовано в поучениях: “любимицы мои”, “людиимицы”, “отцы мои и братия”, “братия моя”, “братия моя любимая”, <...> “возлюбленные”, “трудницы”, “чада моя любимая, и братия, и отцы” <...> и пр.» [1, с. 159].

Так, в послании митрополита Иоанна к Папе Римскому об опресноках, занимающем около трех страниц печатного текста, всего одно обращение — в самом начале письма. Это обращение, правда, очень лестное: «о, Божий человек» [15, с. 37], — но оно не содержит имени. Имени нет и в прескрипте. Между тем не знать, как зовут Папу Римского, русский митрополит, разумеется, не мог. Отсутствие имени, дефицит обращений вкупе с содержанием текста, перенасыщенного исчислением «заблуждений» и «согрешений» [15, с. 38, 39] адресата и его единоверцев-католиков, выступает формой вербализации полемики, а также способом акцентирования учительной интенции в адрес широкого круга русских читателей.

Еще один пример — послание черноризца Якова к духовному сыну, князю Дмитрию Борисовичу Ростовскому, полностью лишенное обращений. Текст изобилует заменяющими их «ты»-формами, а также повелительными («...будь всегда бодрым стражем телу своему. Блюдись запойства. Так не дай хотя бы ныне юности играть с тобой» [15, с. 204], «Полюби Христа, послушай Его...» [15, с. 205] и т. п.) и определенно-личными конструкциями («Если захочешь и в чудесах подражать апостолам, и это тебе под силу» [15, с. 205] и т. п.). Судя по содержанию письма, это ответ духовного отца на покаянное послание очень провинившегося перед ним духовного сына (ср.: «Написал ты покаяние свое с большим смирением, и жалостно его мне слышать, так много в нем унижения. <...>. А что содеялось против меня, во всем том простит тебя Господь...» [15, с. 204]). Первый, хотя и простил второго, посчитал нужным преподать ему строгое наставление. «Я так жестоко с тобой говорю, чтобы жестоко не искутился ты» [15, с. 206], — поясняет он. Это послание-поучение с целью предостережения от подобных ошибок в будущем и от легкомысленного отношения к греху, несмотря на то что он может быть заглажен покаянием. Отсутствие обращений позволяет сделать внушение особенно строгим. Лишь изредка автор письма перемежает дистанцирующие повелительные, определенно-личные и «ты»-формы «мы»-формами («Мы, прежде чем дойдем до зрелости, не достигнув совершеннолетнего разума, впадаем в соблазны» [15, с. 204], «Приготовим же заблаговременно, по примеру пяти мудрых дев, то, что будем искать со временем» [15, с. 206]), характерными для поучения и слова, для проповеди и выполняющими здесь, как и в этих жанрах, функцию соучастия, поддержки, утешения и так же, как и в этих жанрах, позволяющими сочетать учительную интенцию с покаянной, проявить смирение. Отецеская любовь духовного отца к сыну, несмотря на строгость поучения, оказывается лейтмотивной и априори смягчает эту строгость. Смягчает в том числе за счет того, что, по наблюдению М. В. Антоновой, «наставления духовного отца начинались как молитвенное обращение» [2, с. 204], открывавшее письмо (ср.: «А что содеялось против меня, во всем том простит тебя Господь Иисус, взявший на Себя грехи всего мира, и от тайных твоих очистит тебя. И молюсь я Ему от всего сердца...» [15, с. 204]).

Итак, как можно видеть на примере обоих посланий, отсутствие обращений — либо полное, либо практически полное — в древнерусском письме не только характерологично, но и функционально, и даже больше функционально, чем характерологично. Конечно, оно раскрывает взаимоотношения участников переписки, характеризует коммуникативную ситуацию, но — лишь в общих чертах. С одной стороны, это особенность, традиционная для эпистолярного общения, представляющего собой интимный разговор двоих посвященных, и потому разговор, состоящий из недомолвок и полуднамеков, достаточных для актуализации понятного обоим содержания. С другой же стороны, это особенность, традиционная для древнерусского эпистолярного общения, которому неведома подлинная персональность.

Так, по прочтении послания митрополита Иоанна к Папе Римскому остается неясным даже, знакомы ли они лично или хотя бы заочно, по переписке. Очень вероятно, что нет, поскольку первый, начиная отвечать на вопросы второго и полемизировать с ним, ссылается на некоего пастора, который «возвестил» [15, с. 37] об интересе Папы к православию. По мнению Н. В. Поньрко, адресант письма — митрополит Иоанн II, а адресат — Папа Римский Климент III [15, с. 24–27]. Документальных свидетельств об их взаимоотношениях нет. И письмо нисколько не проливает свет на эти взаимоотношения, как и не дает никаких сведений ни об адресанте, ни об адресате. Митрополит Иоанн лишь излагает свое исповедание веры и опровергает основания веры католиков — спокойно и доброжелательно, как и подобает христианину, но твердо. Схожие особенности отличают и послание Якова-черноризца к духовному сыну. Спокойно-доброжелательно, но твердо первый преподносит второму наставление, каждым словом письма выражая, с одной стороны, свою неколебимую христианскую любовь, милосердие и прощение, а с другой — попечение о его душе. Таким образом, в обоих посланиях отсутствие или минимизация обращений к адресату работает не столько на характеристику ситуации, выражение личных отношений (отсутствие обращений не изобличает, скажем, неприязни к адресату: для автора-христианина подобная установка невозможна), сколько на цель эпистолярного общения, усиливая интенцию поучения-poleмики в первом случае и поучения-предостережения от ошибок — во втором.

Несколько иначе дело обстоит в послании-поучении митрополита Киприана, адресованном нескольким лицам. Прежде всего — игуменам прп. Сергию Радонежскому и Феодору Симоновскому, но также, как заявлено в прескрипте, — потенциально возможному широкому кругу читателей: «...честному старцу игумену Сергию и игумену Феодору, и, если есть, другим единомышленникам вашим» [7, т. 6, с. 413]. Г. М. Прохоров справедливо рассматривал это послание как публицистическое [7, т. 6, с. 565]. Оно носит полемический характер. Целью митрополита Киприана является, во-первых, убедить общественность в обоснованности своих претензий на митрополичий престол, который он в недавнем прошлом занимал, но потерял вследствие препятствий со стороны великого князя Дмитрия Донского, и, во-вторых, — развенчать позицию великого князя.

Отсюда актуализация в послании черт автобиографии и биографии (в результате образы обоих оппонентов выстраиваются по принципу антитезы «грешник — праведник», обычной для древнерусской литературы: «Я, Божиим изволением и избранием Великого и Святого Собора и постановлением Вселенского Патриарха, поставлен митрополитом на всю Русскую землю, о чем вся вселенная ведает. <...>. Он же приставил ко мне мучителя, проклятого Никифора. И осталось ли такое зло, какого тот не причинил мне! Хулы и надругательства, насмешки, грабеж, голод! Меня ночью заточил нагого и голодного» [7, т. 6, с. 413] и т. п.), также экзегетического исследования (ср.: «И двадцать третье правило Антиохийского собора так говорит: “Не подобает епископу, даже и в конце своей жизни, оставлять другого человека наследником своего места”. <...>. На Моисея ведь как на виновного указывают за то, что он Аарона и сыновей его возвел на священство. И если бы Бог не укрепил их священничество знамениями, были бы они изгнаны со святительства» [7, т. 6, с. 415–417] и т. п.). Изображая ситуацию так, как он ее видит, и стремясь обосновать свою позицию, автор послания, с одной стороны, обращается к предельно широкой аудитории: «Слушайте, небо и земля, и все христиане, что сотворили со мной христиане» [7, т. 6, с. 423], — а с другой — почти полностью обходится без обращений.

Митрополит Киприан по большей части ограничивается «вы»-формами («Не утаилось от вас...» [7, т. 6, с. 413], «Вот, вы слышите...» [7, т. 6, с. 417] и т. п.) и повелительными формами, выступающими в роли слов-маркеров, призванных привлечь внимание к содержанию его текста («Послушайте также...» [7, т. 6, с. 415], «Слушайте...» [7, т. 6, с. 417], «Послушайте же...» [7, т. 6, с. 421]). Нарочитая минимизация обращений к аудитории выступает, по-видимому, во-первых, средством ведения полемики (адресаты не достойны внимания, поскольку на момент составления письма не выступили в поддержку митрополита Киприана²), во-вторых, оно подчеркивает стоящую перед ними острую необходимость сделать выбор. Пока этот выбор не сделан, автор затрудняется с формой обращения. Но, изредка прибегая к обращениям («все христиане», «честные старцы и игумены» [7, т. 6, с. 423]), он подсказывает своим читателям правильное решение («Вы же, честные старцы и игумены, напишите мне как можно скорее, чтобы догнала меня ваша грамота поскорее, что вы думаете, потому что здесь, вот, я вас не благословил» [7, т. 6, с. 423]) — и как бы моделирует их правильный, желаемый облик, побуждая оправдать названия «честных старцев и игуменов». Наконец, в-третьих, обращений к адресатам в послании почти нет, потому что автору адресаты в полной мере не известны (они могут быть различны, могут придерживаться разных взглядов — его задача убедить всех) и, в сущности, не важны. Важен только адресант, обосновывающий свои притязания стать митрополитом.

Интересно отметить, что в тех редких случаях, когда слово или поучение обходится без обращений (например, «Поучение о казнях Божиих» в составе «Повести временных лет») либо содержит их в минимальном количестве (например, «Слово на Вербное воскресенье» и «Слово о расслабленном» прп. Кирилла Туровского — в обоих текстах изредка встречается обращение «братия» / «братья»), это оказывается не характерологично и не функционально, а совершенно нейтрально, в силу менее ярко выраженной адресной конкретности и ситуативности данных жанров. Что касается «Поучения о казнях Божиих», то, скорее всего, обращения были исключены из него при помещении в текст «Повести временных лет» с целью ассимиляции с летописной манерой повествования. В большинстве же случаев, теряя обращения, поучение и слово, как и проповедь, теряет лишь один из самых сильных и одновременно простых способов активизации внимания аудитории. Но такой талантливый проповедник, как прп. Кирилл Туровский, без труда компенсирует это, прибегая к способам гораздо более изысканным, — и применяет их виртуозно. Оба «Слова...» он выстраивает своим излюбленным способом — на манер притчи³. Сначала погружает аудиторию в евангельский сюжет (в «Слове на Вербное воскресенье» это погружение не в последнюю очередь достигается за счет лейтмотива «Ныне» — с него начинается почти каждый абзац: «Ныне народы вышли навстречу Иисусу <...>. Ныне апостолы положили ризы свои на молодого жеребца <...>. Ныне народы устилают путь Его своими одеждами...» [7, т. 4, с. 187] и т. п.; повтор-лейтмотив придает тексту композиционную стройность и всякий раз сигнализирует аудитории о необходимости поддерживать внимание, тем самым он по-своему восполняет дефицит обращений), очень образно передавая его и одновременно комментируя, а в конце — совмещает евангельский временной план

² М. В. Антонова обратила внимание на «сухой тон» письма и отсутствие традиционного для древнерусского эпистолярного «благословения» адресата, объяснив то и другое полемическими целями, разочарованием автора в адресатах [3, с. 152].

³ Ср. наблюдение Е. К. Ромодановской: «...евангельские притчи с древнейших времен делались предметом специальных публицистических, ораторских произведений — высочайшие образцы “слов” этого типа принадлежат Кириллу Туровскому» [17, с. 88].

и временной план, актуальный для аудитории. Причем зачастую заменяет традиционные формы обращений глагольными и местоименными «мы»- и «вы»-формами: «Приготовим же смирением, будто горницу, наши души, чтобы с Причастием вошел в нас Сын Божий и сотворил с учениками Своими Пасху» [7, т. 4, с. 191], «Уразумейте же все смысл сказанного, — то, что не разрешает Господь грешить нам по Крещении...» [7, т. 4, с. 199] и т. п. Очевидно, что добавление в оба «Слова...» обращений — «братья» или «дети» — ничего бы не привнесло, как и исключение их ничего не отнимает. Между тем как для слова и поучения, так и для послания, повторим, все же гораздо более характерно наличие обращений, чем их отсутствие.

В отличие от слова и поучения, для которых наиболее обычны краткие обращения — «братья», «дети» (иногда «возлюбленные дети» и т. п.), — послание свободно пользуется очень широким спектром вариантов, не доступных в такой степени ни одному другому древнерусскому жанру. Автор выбирает форму, наиболее аутентичную конкретной коммуникативной ситуации. Помимо вышеупомянутых лаконичных и надындивидуальных, стандартных форм «брат», «чадо», «мой княже», в письмах также частотны формы более развернутые — главным образом, за счет определений («боголюбивый княже» [15, с. 20], «благородный княже» [15, с. 84], «христолюбивый мой княже» [15, с. 86], «чадо мое возлюбленное» [15, с. 153], «чадо мое сладкое» [там же], «Божий человек» [15, с. 37] и т. п.), которых может быть несколько («человеколюбивый и кроткий княже» [15, с. 84], «чадо мое блаженное и сын света» [15, с. 89] и т. п.) или даже много, как, например, в начале послания прп. Кирилла Туровского к архимандриту Василию о схиме: «...милый мой господин, всечестной богоблаженный Василий, воистину, великий и славный во всем мире архимандрит, отец отцам, наставник вышнего пути, мудрая душа, проникающая умом все богодухновенные книги, второй игумен Феодосий Печерский, не именем, но делами и верою равный его святости!» [15, с. 168]. В последующем тексте письма ограничиваясь короткими обращениями, прп. Кирилл то цитирует («господин мой» [15, с. 169], «милый мой господин, честной Василий» [15, с. 170]), то цитирует и дополняет (мой милый господин и благодетель» [15, с. 170]) это первое длинное, тем самым в обоих случаях актуализирует все его содержание.

С одной стороны, этот беспрецедентно широкий спектр вариантов выделяет послание на фоне других древнерусских жанров как жанр наиболее персональный, дающий автору возможность подобрать свое, индивидуальное обращение, подходящее для конкретного адресата, конкретной коммуникативной ситуации и, наконец, для достижения конкретной цели. Но, с другой стороны, нельзя не заметить, что обращения в древнерусских письмах как раз-таки преимущественно деперсональны (одно из исключений — вышеприведенное развернутое обращение из письма прп. Кирилла Туровского, фиксирующее такое качество адресата, архимандрита Василия, как мудрость, «проникающая умом все богодухновенные книги» и, несомненно, выделяющая его на фоне других людей), и не повторить, что подлинная персональность древнерусской литературе не была доступна. Большинство обращений различаются, в сущности, лишь по объему (краткости / развернутости) и по форме (могут образовываться, например, посредством эпитетов: «чадо мое сладкое»; метафорических перифразов: «сын света»). По содержанию же они друг другу синонимичны (ср.: «боголюбивый княже», «христолюбивый княже», «человеколюбивый и кроткий княже», «Божий человек»), и, следовательно, они взаимозаменяемы. Таким образом, ни объем, ни форма роли не играют, представление об обязательной большей индивидуализированности развернутых обращений иллюзорно. Независимо от того, кто адресант, кто адресат, каковы их взаи-

моотношения, каковы коммуникативная ситуация, тема, цель письма, — обращения в древнерусских посланиях комплиментарны и идеализированны. Во-первых, в традициях эпистолярного общения, сложившихся еще в Античности (ср.: [13, с. 20–21]). Во-вторых, в традициях христианского общения, согретого «любовью о Христе» (см. подробнее: [6]).

Итак, самый «персональный» жанр древнерусской литературы — письмо — обнаруживает не более чем средневековую персональность, оксюморонную по своей природе. Она, с одной стороны, — за счет первой части понятия («средневековая») — обеспечивала его органическую включенность в систему жанров. А с другой — за счет второй части («персональность») — позволяла ему сохранять и развивать те характерные признаки, которые отличали эпистолярный жанр со времен Античности и могли обеспечить ему будущее в тот период, когда система жанров утратит синтетичность, жанры дифференцируются, каждый из них должен будет отстаивать свое право на автономность. Но одновременно «персональность» таила в себе опасность исторжения эпистолярного жанра за пределы литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Автюхов А. В., Сарин Е. И.* Специфика отражения биографии автора в проповедях Феодосия Печерского // Ученые записки ОГУ. 2014. № 2. С. 158–161.
- 2 *Антонова М. В.* Древнерусское послание XI–XIII вв.: поэтика жанра. Орел: Курсив, 2011. 357 с.
- 3 *Антонова М. В.* Послания митрополита Киприана в генезисе эпистолярного жанра на русской почве // Древнерусская книжность: текстология и поэтика. Орел: Картуш, 2013. С. 150–155.
- 4 *Антонова М. В.* Послания Феодосия Печерского: ситуация общения // Вестник лаборатории аналитической филологии. 2012. Вып. 5. С. 41–57.
- 5 *Антонова М. В., Никищенкова Г. В.* Формуляр древнерусского послания: Феодосий Печерский, его современники и последователи // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 154–161.
- 6 *Антонова М. В., Ноздрачева Н. Л.* «Любовь о Христе» в древнерусских посланиях // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. С. 162–169.
- 7 Библиотека литературы Древней Руси: в 20 т. / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб.: Наука, 1997 — н. в. Т. 1. 542 с. Т. 4. 685 с. Т. 5. 527 с. Т. 6. 583 с.
- 8 *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Неизданные тексты. Л.: Наука, 1984. 277 с.
- 9 *Кусков В. В.* Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1981. № 1. С. 3–12.
- 10 *Лихачев Д. С.* Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1971. 414 с.
- 11 *Лихачев Д. С.* Принцип ансамбля в древнерусской эстетике // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 118–120.
- 12 *Лихачев Д. С.* Система литературных жанров Древней Руси // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе / отв. ред. О. В. Творогов. Л.: Наука, 1986. С. 57–78.

- 13 *Миллер Т. А.* Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография. Очерки / отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1967. С. 5–25.
- 14 *Нахов И. М.* Эстетические и этические литературные взгляды киников // Вопросы классической филологии. М.: Наука, 1969. Вып. 2. С. 3–79.
- 15 *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XIII. Исследования, тексты, переводы. СПб.: Наука, 1992. 216 с.
- 16 *Прокофьев Н. И.* О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. Сборник трудов / сост. Н. И. Прокофьев. М.: Изд-во МГПИ им. В. И. Ленина, 1975. Вып. 1. С. 5–39.
- 17 *Ромодановская Е. К.* Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Сб. научн. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. Вып. 2. С. 73–111.
- 18 *Черная Л. А.* Антропологический код древнерусской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2008. 464 с.

© 2021. **Marina D. Kuzmina**
St. Petersburg, Russia

THE MOST “PERSONAL” GENRE OF OLD RUSSIAN LITERATURE

Abstract: The paper attempts to identify the originality of epistolary genre against the background of other genres of Old Russian literature, which, as is known, was characterized by the interaction of genres, genre synthesis. The message stands out against the general background as the most “personal” genre. It articulates quite clearly the situation of communication of, as a rule, two specific personalities — addresser and addressee. It is thereby very targeted and situational, focused on the needs and goals of participants in the epistolary dialogue. It more or less actualizes the images of both communicants. The author of the letter enjoys freedom in choosing the self-characteristics and characteristics of the addressee, in choosing the forms of addressing the latter as well as choosing the composition of the text, etc. However in reality the “personality” of the epistolary genre is reserved and rather arbitrary. Addressers to addressees, widely varying in the whole body of messages, differ, in essence, only in form. In content, they are synonymous. They carry not so much personal as depersonalized, transpersonal characteristics, usual for ancient Russian literature, reflecting social situation, spiritual relations of the participants in correspondence (spiritual father / spiritual child, etc.), etc. They reflected in their own way the requirement of etiquette of epistolary communication established in the era of antiquity and involving complementarity of appeals to the addressee. Thus, the “personality” of the message, on the one hand, ensured its organic inclusion in the system of genres of ancient Russian literature. On the other hand, it allowed him to preserve and develop characteristic features that distinguished the epistolary genre from antiquity and could provide him with a future at a time when the genre system would lose its synthetics, each of them would have to defend its right to autonomy; but at the same time, “personality” was fraught with a danger of exclusion of the epistolary genre from literature.

Keywords: epistolary genre, medieval personality, message, letter, epistolary dialogue, destination, author.

Information about author: Marina D. Kuzmina — PhD in Philology, Associate Professor, Higher School of Printing and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Bolshaya Morskaya St., 18, 191186 St. Petersburg, Russia; Doctoral student of the Department of Russian Literature, Herzen Russian State Pedagogical University, 48 Moika emb., 191186 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>. E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Received: November 17, 2019

Date of publication: March 28, 2021

For citation: Kuzmina M. D. The most “personal” genre of Old Russian literature. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 59, pp. 161–173. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-161-173>

REFERENCES

- 1 Avtiukhov A. V., Sarin E. I. Spetsifika otrazheniia biografii avtora v propovediakh Feodosiia Pecherskogo [Specificity of the reflection of the author's biography in the sermons of Theodosius Pechersky]. *Uchenye zapiski OGU*, 2014, no 2, pp. 158–161. (In Russian)
- 2 Antonova M. V. *Drevnerusskoe poslanie XI–XIII vv.: poetika zhanra* [Old Russian Epistle of the 11th–13th cs.: poetics of the genre]. Orel, Kursiv Publ., 2011. 357 p. (In Russian)
- 3 Antonova M. V. Poslaniia mitropolita Kipriana v genezise epistoliarnogo zhanra na russkoi pochve [The messages of Metropolitan Cyprian in the Genesis of epistolary genre in Russia]. In: *Drevnerusskaia knizhnost': tekstologiya i poetika* [Russian book culture: textual criticism and poetics]. Orel, Kartush Publ., 2013, pp. 150–155. (In Russian)
- 4 Antonova M. V. Poslaniia Feodosiia Pecherskogo: situatsiia obshcheniia [Epistles of Theodosius of Pechersk: the situation of communication]. *Vestnik laboratorii analiticheskoi filologii*, 2012, vol. 5, pp. 41–57. (In Russian)
- 5 Antonova M. V., Nikishchenkova G. V. Formuliar drevnerusskogo poslaniia: Feodosii Pecherskii, ego sovremenniki i nasledovateli [The ancient form of the message: Theodosius of the caves, his contemporaries and followers]. *Uchenye zapiski OGU*, Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanities and Social Sciences series], 2010, no 3, pp. 154–161. (In Russian)
- 6 Antonova M. V., Nozdracheva N. L. “Liubov' o Khriste” v drevnerusskikh poslaniiax [“Love about Christ” in the Old Russian Epistles]. *Uchenye zapiski OGU*, Series: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki [Humanities and Social Sciences series], 2010, no 3, pp. 162–169. (In Russian)
- 7 *Biblioteka literatury Drevnei Rusi: v 20 t.* [Library of literature of the Ancient Russia: in 20 vols.], edited by D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva, A. A. Alekseeva, N. V. Ponyrko. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997 — present. Vol. 1. 542 p. Vol. 4. 685 p. Vol. 5. 527 p. Vol. 6. 583 p. (In Russian)
- 8 Bulanin D. M. *Perevody i poslaniia Maksima Greka. Neizdannye teksty* [Translations and epistles of Maxim the Greek. Unpublished texts]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 277 p. (In Russian)

- 9 Kuskov V. V. Kharakter srednevekovogo mirosozertsaniia i sistema zhanrov drevnerusskoi literatury XI – pervoi poloviny XIII v. [The nature of the medieval worldview and the system of genres of Old Russian literature of the 11th – first half of the 13th century]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 9, Filologiya [Philology], 1981, no 1, pp. 3–12. (In Russian)
- 10 Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Leningrad Khudozhestvennaia literature Publ., 1971. 414 p. (In Russian)
- 11 Likhachev D. S. Printsip ansambliia v drevnerusskoi estetike [The principle of the ensemble in ancient aesthetics]. In: *Kul'tura Drevnei Rusi* [Culture of the Ancient Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 118–120. (In Russian)
- 12 Likhachev D. S. Sistema literaturnykh zhanrov Drevnei Rusi [System of literary genres of the Ancient Russia]. In: Likhachev D. S. *Issledovaniia po drevnerusskoi literatury* [Research on the Old Russian literature], responsible editor O. V. Tvorogov. Leningrad, Nauka Publ., 1986, pp. 57–78. (In Russian)
- 13 Miller T. A. Antichnye teorii epistol'nogo stilia [Ancient theories of the epistolary style]. In: *Antichnaia epistolografia. Ocherki* [Ancient epistolography. Essays], executive editor M. E. Grabar'-Passek. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 5–25. (In Russian)
- 14 Nakhov I. M. Esteticheskie i eticheskie literaturnye vzgliady kinikov [Aesthetic and ethic literary views of the cynics]. *Voprosy klassicheskoi filologii* [Issues of classical Philology]. Moscow, Nauka Publ., 1969, vol. 2, pp. 3–79. (In Russian)
- 15 Ponyrko N. V. *Epistol'noe nasledie Drevnei Rusi. XI–XIII. Issledovaniia, teksty, perevody* [Epistolary heritage of the Ancient Russia. 11–13 cs. Research, texts, and translations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992. 216 p. (In Russian)
- 16 Prokof'ev N. I. O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ia i sisteme zhanrov russkoi literatury XI–XVI vv. [On the Outlook of the Russian Middle ages and genres of Russian literature of 11th–16th cs.]. In: *Literatura Drevnei Rusi. Sbornik trudov* [Literature of the Ancient Russia. Collection of works], compiled N. I. Prokof'ev. Moscow, Izdatel'stvo MGPI im. V. I. Lenina Publ., 1975, vol. 1, pp. 5–39. (In Russian)
- 17 Romodanovskaia E. K. Spetsifika zhanra pritchi v drevnerusskoi literatury [The specifics of the genre of parables in Old Russian literature]. In: *Evangel'skii tekst v russkoi literatury XVIII–XX vekov. Tsitata, reministsentsiia, motiv, siuzhet, zhanr. Sbornik nauchnykh trudov* [Evangelical text in Russian literature of the 18th–20th centuries. Quote, reminiscence, motive, plot, genre. Collection of scientific papers]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo PetrGU Publ., 1998, vol. 2, pp. 73–111. (In Russian)
- 18 Chernaia L. A. *Antropologicheskii kod drevnerusskoi kul'tury* [Anthropological code of the Old Russian culture]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2008. 464 p. (In Russian)